ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.31249/rsm/2021.03.15

М.В. Ковалев

РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЛАЗАМИ ВЕНГЕРСКОГО ИСТОРИОГРАФА: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ДЮЛЫ СВАКА

***Аннотация.** Представленный очерк посвящен аналитическому разбору новой книги венгерского ученого Дюлы Свака. Рецензируемая работа включает восемь очерков, написанных профессором в период с 1978 по 2017 г. и отражающих широкий диапазон и динамику его научных интересов. В книге представлены этюды о концепциях российского феодализма в историографии, об осмыслении опричнины советскими учеными, об образах Ивана Грозного и Петра Великого в исторической памяти. Автор рецензии отмечает, что для венгерского исследователя чрезвычайно важна связь между историческим и историографическим процессами. В центре последних всегда находится человек, а не безликий и абстрактный нарратив. В приведенном аналитическом обзоре основное внимание уделяется размышлениям профессора Свака о путях развития советской / российской и венгерской исторической науки, о поиске общего и особенного между ними. В связи с этим плодотворным представляется метод сравнительного описания жизненных траекторий и ученых карьер отечественных и венгерских специалистов, как это проделано автором рецензируемой книги на примерах Й. Перени и Р.Г. Скрынникова.*

***Ключевые слова:** Д. Свак; историография; Россия; Венгрия.*

Ковалев Михаил Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Россия, Москва.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

Kovalev M.V. Russian historiography through the eyes of a Hungarian historiographer: Reflections on the book by Gyula Szvák

***Abstract.** The presented essay is devoted to the analysis of new book of Gyula Szvák, a Hungarian scientist. This reviewed work includes eight articles written by the professor between 1978 and 2017, reflecting the dynamics of his scientific interests, as well as their wide range. The book presents essays on the concepts of Russian feudalism in historiogra-*

phy, on the interpretation of the oprichnina by Soviet scientists, on the images of Ivan the Terrible and Peter the Great in historical memory. The author of the review notes that the connection between historical and historiographic processes is extremely important for the Hungarian researcher. In the center of his studies there is always a person, and not a faceless and abstract narrative. In the above analytical review, the main attention is paid to the reflections of Professor Szvák on the ways of development of Soviet / Russian and Hungarian historical science, on the search for common and special between them. In this regard, the method of comparative description of the life trajectories and scientific careers of Russian and Hungarian specialists seems to be fruitful, as was done by the author of the book under review using the examples of J. Perényi and R.G. Skrynnikov.

Keywords: Gy. Szvák; historiography; Russia; Hungary.

Kovalev Mikhail Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Russia, Moscow.

E-mail: kovalevmv@yandex.ru

Web of Science Researcher ID: C-6747-2014

Scopus Researcher ID: 53984354100

Имя венгерского историка, профессора Дюлы Свака не нуждается в специальном представлении российским коллегам. Он хорошо известен не только как яркий и самобытный исследователь, но и как прекрасный научный организатор, создавший в Будапештском университете Центр русистики, как сторонник развития и укрепления российско-венгерских научных контактов. Работы ученого многократно публиковались в России [Свак 2000; 2010; 2018; 2021; и др.], а его творчество уже становилось предметом научных рефлексий со стороны отечественных специалистов [Тараторкин, Юрганов 2011; Репина 2018; Болдин, Ширинянц 2019]. Потому нельзя обойти вниманием и недавно вышедшую в Москве книгу профессора Свака, посвященную узловым проблемам российской историографии [Свак 2019]. Она включает восемь очерков, написанных венгерским учеными в период с 1978 по 2017 г., и отражающих динамику его научных интересов, равно как и их широкий диапазон. В книге представлены исследования профессора Свака о концепциях российского феодализма в историографии, об осмыслении опричнины советскими учеными, об образах Ивана Грозного и Петра Великого в исторической памяти, об эволюции взглядов на творчество Ивана Пересветова. Каждый из очерков, безусловно, заслуживает особого внимания. Однако автор этих строк хотел бы в своем обзоре остановиться на том, каким видится именитому ученому историографическое исследование, и как оцениваются им перспективы сравнительных российско-венгерских историографических штудий.

Историографические сюжеты важны Сваку не сами по себе, но в контексте преломления сквозь них узловых событий русской истории, во взаимосвязи с метаморфозами российской исторической памяти. Отсюда, например, пристальное внимание к эпохам Ивана Грозного и Петра Великого и к их отражению в интеллектуальной культуре¹. Свой исследовательский подход профессор Свак определяет как «микроисториографический». Читателям он поясняет: «В “историях исторической науки” русская историческая наука обычно анализируется горизонтально, а в предлагаемых работах – вертикально, то есть их автор старается сложить образ русской исторической науки из историографических мозаичных элементов, путем изучения определенных проблем» [Свак 2019, с. 7]. Предлагаемый подход отнюдь не равнозначен переносу внимания с больших нарративов на малые, и не связан со смещением акцентов от общего к частному. Свак говорит, что некогда пытался найти «макроответы с помощью “микрометодов”» [Свак 2019, с. 9], однако постепенно осознал малую продуктивность такой задачи. Он обосновывает потребность изучать разные, порой находящиеся в противоречии друг другу историографические сюжеты и явления, избегать ненужных и неоправданных обобщений. Для него чрезвычайно важна связь между историческим и историографическим процессами. В центре последних всегда находится человек, а не безликий и абстрактный нарратив. Потому профессор Свак с полным основанием утверждает, что невозможно понять труды историка без глубокого проникновения в его биографию: «Достигнутые ученым результаты в их полноте никогда не могут быть поняты без знакомства с его личностью и окружавшим его (макро- и микро-) миром» [Свак 2019, с. 234].

Признавая специфику российского исторического, а значит, и историографического процесса, профессор Свак отнюдь не пытается доказать обособленность и непохожесть России. Потому и ее историческая наука – это «европейская историческая наука, европейская по своим источникам, поднимаемым вопросам и попыткам ответить на эти вопросы» [Свак 2019, с. 7]. Дюла Свак подмечает, что российская историческая наука, несмотря на свою драматическую судьбу в XX в. и на пережитые интеллектуальные разрывы, все же представляет собой единое целое. В понимании венгерского ученого, между дореволюционной, советской и постсоветской наукой обнаруживается немало сквозных линий. Так, идеализация Ивана Грозного, по верному замечанию автора книги, не была изобретением сталинской эпохи, а имела глубокие корни еще в историографии XIX в.

1. Остается сожалеть, что на русский язык до сих пор не переведена фундаментальная книга Д. Свака об образах Ивана Грозного и Петра Великого в русской интеллектуальной культуре [Szvák 2001].

Чрезвычайно важны сравнительные наблюдения Свака за путями развития советской и венгерской исторической науки. Он замечает, что в социалистической Венгрии историческая наука «находилась на хорошем, быть может, даже первоклассном уровне и успешно лавировала между Сциллой национальной замкнутости и Харибдой международного государственного марксизма» [Свак 2019, с. 13–14]. Груз догматического марксизма там был куда слабее, чем в СССР, что давало возможность иных интеллектуальных поисков. Одновременно у венгерских историков была возможность широкой работы с российским историческим материалом. Например, в венгерской марксистской историографии сложился своего рода консенсус вокруг понимания исторического феномена централизованного государства. Подобное государство непременно считалось сословным, но в то же время не всякое сословное государство рассматривалось как централизованное. Централизация выводилась из сословности, а это противоречило «мысли о возникновении Русского централизованного государства в конце XV в.» [Свак 2019, с. 122–123]. Венгерская наука была интегрирована в общую систему социалистической науки, но в то же время у нее был свой особенный путь и свои возможности вести дискуссии. Добавим здесь, в продолжение мыслей профессора Свака, что в венгерской послевоенной интеллектуальной среде гораздо сильнее, нежели в советской, было выражено стремление к свободе научного поиска. Это было связано с тем, что период репрессий в Венгрии, пришедшийся на конец 1940-х – 1950-е годы, хоть и был ожесточенным, но не имел столь разрушительных последствий, как аналогичные процессы в СССР в 1920–1930-х годах. В то же время в венгерской интеллектуальной культуре существовала своя особенная марксистская традиция, живым воплощением которой был Дьёрдь Лукач и Будапештская школа. Венгерской научной интеллигенции удалось сохранять довольно высокую степень самостоятельности и оппозиционности.

Д. Свак убеждает читателей, что интеллектуальная революция победила в Венгрии еще до падения социализма: «Это время можно назвать героическим периодом, в котором сделало свое дело и сообщество историков, которое по праву может гордиться этим. Историки испытывали тогда приподнятые чувства. Мы стали свидетелями, участниками и летописцами осуществления наших исторических идеалов». Однако, признает он, эта победа оказалась Пирровой [Свак 2019, с. 16]. Восприятие автором тенденций развития современной венгерской исторической науки кажется если не пессимистичным, то довольно критичным. Он с опасением говорит о новой исторической политике, которая проводится под жестким контролем государства, и выражается в создании специальных учреждений для «правильного» изучения национальной истории, в ограничении автономии Академии наук и университетов, в возврате к историческим концептам эпохи «хортизма». Свака

явственно пугает этнизация и огосударствление исторического знания, разжигание мемориальных войн, особенно на постсоветском пространстве и в Восточной Европе. Опасения венгерского ученого в том, что история снова становится «служанкой политики», могут найти многочисленные подтверждения по всему миру. По его мнению, возврат к «фактографии старого доброго позитивистского прошлого» [Свак 2019, с. 20] снова может стать способом ухода от политического и идеологического давления, как справа, так и слева.

Как же тогда профессор Свак оценивает положение российской исторической науки на рубеже XX–XXI вв.? Он вполне обоснованно заверяет, что если англо-саксонская русистика в это же самое время вырвалась далеко вперед, то российской историографии пришлось держать оборону [Свак 2019, с. 17]. Она в должной мере не смогла противостоять внешнему влиянию и сохранить за собой ту степень влияния, которая была у советской историографии, даже невзирая на ее идеологизированность. Большой интерес со стороны профессора Свака вызывает опыт создания новой государственной концепции истории России, в том числе путем написания учебников. Эти действия он рассматривает как заключительный этап поисков идентичности, во главе которого стоят элиты, осуществившие в 1990-х годах смену общественного строя. С одной стороны, он видит в этих процессах возрождение утраченных «мест памяти», но, с другой – обнаруживает и многочисленные тревожные сигналы, каким стала, например, установка в Орле в 2016 г. первого в российской истории монумента Ивану Грозному. Образ первого русского царя, как хорошо известно, не появился даже на знаменитом памятнике Тысячелетию России в Новгороде. Думается, профессор Свак недалек от истины, когда замечает, что в начале XXI в. исторические дискуссии в России, по сути, вернулись к старому – славянофильскому и западническому – пониманию истории.

Российско-венгерские историографические параллели пронизывают текст книги Дюлы Свака. Он пытается выявить общие и особенные тенденции в их развитии. Отметим, что биография венгерского профессора прочно вписана в этот перекрестный культурный контекст: в 1981–1984 гг. он обучался в заочной аспирантуре Ленинградского государственного университета, по окончании которой защитил диссертацию об историографических оценках Ивана Грозного. Наставником Дюлы Свака был профессор Руслан Григорьевич Скрынников (1931–2009). Закономерно, что одно из центральных мест в рецензируемой книге занимает очерк об этом именитом ученом, творчество которого, по словам Д. Свака, бесспорно стало частью мировой историографии. Вглядываясь в биографию своего научного руководителя, венгерский историк убеждается, что понять ее можно лишь при условии глубокого погружения в послевоенную советскую действительность.

Р.Г. Скрынникова он описывает как представителя поколения, которое начало научные карьеры с большими обновленческими надеждами, но которое надломили неоправдавшиеся грезы Оттепели. В итоге многие ученые попытались уйти от теоретических обобщений в своих исследованиях и обратиться к относительно безопасной фактографии. Они «с кошачьей ловкостью обходили всевозможные запреты и удалялись в добровольную ссылку в “антикварную” историю» [Свак 2019, с. 235]. Скрынников в изображении Дюлы Свака, конечно, не выглядит научным вольнодумцем и бунтарем. Он принимал установки советской исторической науки, но все же толковал их в «духе строгой фактографии» и «избегал методологических ловушек» [Свак 2019, с. 242]. Гораздо более важным представляется Сваку постижение жизненного мира профессора Скрынникова и особенно его личностных качеств. Автор книги не без иронии сетует, что понятие «человечность» крайне редко используется для характеристики ученого, но именно без этого качества невозможно понять образ Р.Г. Скрынникова. Уместно привести в связи с этим пространное разъяснение венгерского историка, раскрывающее его подход к пониманию биографий многих советских историков: «Жил однажды мягкий и тихий советский профессор, который старался привить ученикам навыки настоящего ученого, учил их научной честности, не прибегая при этом к авторитарным методам, апеллируя к документам и разуму учеников, считая последних своими партнерами и далеко выходя за обычные пределы преподавательской компетенции. Даже в советскую эпоху он сохранил пламя, переданное дореволюционной интеллигенцией, живым примером доказывая своим ученикам, что и в СССР можно честно служить науке, причем оставаясь при этом честным человеком. Тем самым постсоветские историки, да и вся современная русская интеллигенция многим обязана ему: его пример предостерегает новые поколения от желания отречься от собственной предыстории, бездумно выкинуть на свалку истории 70 лет советского прошлого» [Свак 2019, с. 248].

Можно ли говорить о том, что Дюла Свак идеализирует фигуру Р.Г. Скрынникова? Думается, что нет, хотя образ его рисуется с явной и нескрываемой симпатией. Для автора книги важно не просто написать портрет своего научного руководителя, но сделать это на групповом фоне иных советских историков. Потому для него так важно попытаться понять личные и деловые коммуникации Руслана Григорьевича с коллегами. Задача эта, разумеется, непростая. Однако венгерскому историку удалось довольно беспристрастно проследить крайне непростые взаимоотношения Р.Г. Скрынникова и И.Я. Фроянова. Первый предстает «демократичным преподавателем и медиативной личностью», второй – «очень жестким руководителем и импульсивным человеком» [Свак 2019, с. 241]. Их сложные взаимодействия являют собой не столько примеры научной конкуренции или тем более личной не-

приязни, сколько разные стили научной работы и разные стили жизни. Дюла Свак не пытается обвинить или оправдать кого-то из них. Если Фроянова венгерский ученый ценит за его «типичную русскость», то Скрынникова – за его «европейскость» [Свак 2019, с. 241].

Параллельные жизнеописания ученых вообще привлекают Дюлу Свака. Оттого он вводит в повествование еще одного важного героя – своего венгерского учителя, профессора Йожефа Перени (1915–1981), в чьей биографии в полной мере отразились крутые виражи послевоенной истории. Примечателен пассаж о том, как Перени пострадал за «буржуазный объективизм» в конце 1940-х годов. Переводя на венгерский язык фундаментальный труд Б.Д. Грекова «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.», он высказал сомнения в правильности некоторых толкований маститого советского ученого, за что едва не распрощался с работой. Однако уже вскоре, когда сотрудникам Института истории Венгерской академии наук понадобилось обратиться с официальным запросом к Грекову об организации социалистического соревнования в исторической науке, они вспомнили о Перени. Тот знал академика со времени своей работы в посольстве в Москве в первые послевоенные годы. Борис Дмитриевич откликнулся и даже прислал в Будапешт «Указания академика Б.Д. Грекова венгерским историкам» [Свак 2019, с. 252–254].

Профессору Сваку важно показать, как общее и особенное в биографиях Скрынникова и Перени, демонстрирует сходство и различие между реалиями исторических наук в СССР и Венгрии. Мировоззрение Руслана Григорьевича складывалось под прямым воздействием официальных советских историографических концептов. Что же касается Йожефа Перени, то он хоть и придерживался социал-демократических убеждений, не разделял постулатов «вульгарного марксизма», активно насаждаемого в послевоенной Венгрии. Ему, как и многим представителям его поколения, догматизм нанес «экзистенциальные обиды», породил глубокие разочарования и вместе с тем вселил предельную осторожность. Оттого, как вспоминает Д. Свак, даже в личных разговорах с ним Й. Перени никогда не критиковал советскую историческую науку «и не отказывался от таких шаблонных утверждений, как, например, что в Средние века историческое развитие России и Венгрии было структурно одинаковым, ссылаясь лишь на то, что крестьяне и там и тут одинаково пахали землю» [Свак 2019, с. 260]. Таким образом, обрисованные Д. Сваком примеры еще раз наглядно показывают важность компаративного изучения истории науки (и не только исторической!) в СССР и странах Восточной Европы. Сравнение советского и венгерского материалов в связи с этим создает исключительно благодатную почву. Остается надеяться, что подобные сюжеты будут подхвачены современными исследователями. Россию и Венгрию связывают многовековые и неразрывные исторические взаимоотношения,

наполненные как достижениями и успехами, так и трагическими потрясениями. Потому сегодня для успешного развития двухсторонних отношений необходимо совместное преодоление исторических травм, а равно – поиск общих «мест памяти», примеров успешного и взаимовыгодного сотрудничества. Тем важнее беспристрастно взглянуть на опыт двухстороннего научного сотрудничества в области исторической науки.

Книга профессора Свака, вне всякого сомнения, сослужит добрую службу российским историкам. Ведь его исследования всегда отличали научная глубина и исследовательская прозорливость, которые дают читателям возможность посмотреть на, казалось бы, привычные исторические и историографические сюжеты в непривычном ключе.

Библиография

Болдин В.А., Ширинянц А.А. Опыт профессора Дюлы Свака (к выходу в свет книги: Дюла Свак. Опыт микроисториографии) // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 401–409.

Репина Л.П. Стимулирующая «микроисториография» профессора Свака // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште / Ред. и сост. М.С. Петрова. М.: Аквилон, 2018. С. 27–33.

Свак Д. «Дурно» ли говорить о «русском феодализме»? (к историографии вопроса) // Труды Института российской истории РАН. 2000. Т. 2. С. 5–55.

Свак Д. Русская парадигма: Русофобские записки русофила. СПб.: Алетейя, 2010. 176 с.

Свак Д. «Открытое письмо» как историографическое средство диалога // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 361–383.

Свак Д. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019. 288 с.

Свак Д. «Русскую историю должны писать русские, и зачем в это дело вмешиваются венгры?»: микроисториографический этюд // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 1. С. 23–54.

Тараторкин Ф.Г., Юрганов А.Л. Русская парадигма венгерского профессора // Россия XXI. 2011. № 5. С. 142–151.

Szvák Gy. IV. Iván és I. Péter utóélete. Budapest: ELTE Ruzsisztikai Intézet, 2001. 256. old.

References

Boldin V.A., Shirinyanc A.A. Opyt professora Gyuly Svaka (k vyhodu v svet knigi: Dyula Svak. Opyt mikroistoriografii) [The experience of professor Gyula Szvák (to the publication of the book: Szvák Gyula. Experience of microhistoriography)]. Dialog so vremenem [The Dialogue with Time]. 2019. Vol. 69. P. 401–409. (In Russ.)

Repina L.P. Stimuliruyushchaya «mikroistoriografiya» professora Svaka [Stimulating «microhistoriography» of Professor Szvák]. Idei i dela. K 65-letiyu professora Gyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte [Ideas and deeds. To the 65th anniversary of Professor Gyula Szvák and the 30th anniversary of the study of historical Russian studies in Budapest]. Moscow: Akvilon, 2018. P. 27–33. (In Russ.)

Szvák Gy. «Durno» li govorit' o «russkom feodalizme»? (k istoriografii voprosa) [Is it «bad» to talk about «Russian feudalism»? (to the historiography of the issue)]. Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN [Proceedings of the Institute of Russian History, RAS.]. 2000. Vol. 2. P. 5–55. (In Russ.)

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

Szvák Gy. IV. Iván és I. Péter utóélete. Budapest: ELTE Ruszisztikai Intézet, 2001. 256. old.

Szvák Gy. Russkaya paradigma: Rusofobskie zapiski rusofila [Russian paradigm: Russophobic notes of a Russophile]. St. Petersburg: Aletejya, 2010. 176 p. (In Russ.)

Szvák Gy. «Otkrytoe pis'mo» kak istoriograficheskoe sredstvo dialoga [«Open Letter» as a Historiographic Means for Dialogue]. Dialog so vremenem [The Dialogue with Time]. 2018. Vol. 64. P. 361–383. (In Russ.)

Szvák Gy. Opyt mikroistoriografii [The Experience of Microhistoriography]. Moscow: Akvilon, 2019. 288 p. (In Russ.)

Szvák Gy. «Russkuyu istoriyu dolzhny pisat' russkie, i zachem v eto delo vmeshivayutsya vengry?»: mikroistoriograficheskij etyud [«The Russians should write Russian history, and why do Hungarians interfere in this matter?»: A microhistoriographic study]. Quaestio Rossica. 2021. Vol. 9. N 1. P. 23–54. (In Russ.)

Taratorkin F.G., Yurganov A.L. Russkaya paradigma vengerskogo professora [Russian paradigm of the Hungarian professor]. Rossiya XXI [Russia XXI]. 2011. N 5. P. 142–151. (In Russ.)